

Перед самой сдачей тома поэзии в вёрстку нашему издателю Ирине Флиманковой я получил известие от Бориса Лукина, что в Москве 13 июля скончался поэт и литературовед Александр Суворов. Мне сразу вспомнилась наша последняя встреча на фестивале современной литературы, театра и кино «Наше время», проводимом вот уже не один год автором проекта и составителем антологии «Наше время» поэтом Борисом Лукиным в Москве. Суворов пришёл на фестиваль во второй половине дня, скромно сидел в зале и слушал выступающих, сам же не выступал, видимо, в силу того, что вид у него был очень болезненный. Но в перерыве он подошёл ко мне и спросил: «А нельзя ли и мне напечататься в вашем замечательном альманахе?» – «Конечно, можно, Александр! Нужно прислать мне материал по электронной почте, и в следующем номере будет публикация» – ответил я, порадовавшись за альманах. «Я переслать не могу, у меня нет компьютера, я уже десять лет, как живу в подьезде. Но у меня с собой стихи на флешке, друзья собрали. Можно сейчас скачать...» – спокойно предложил Суворов. Презентационный ноутбук был занят, и мы попросили директора библиотеки №164 "Просвещения трудящихся" Нину Анатольевну Мирзахамидову, так много помогающей в пропаганде современной литературы, перебросить стихи Суворова с одной флешки на другую. Так ко мне попали материалы Александра Суворова: его стихи, эссе, статьи, рассказы. Наверное, они есть и у друзей поэта. И всё же, мне думается, попали они в альманах «Под часами» не случайно, а по предвидению свыше. Ведь в нашем альманахе действует рубрика «Наше время». Как составитель альманаха, я постараюсь и в последующих номерах публиковать произведения ушедшего из жизни автора антологии современной литературы России «Наше время».

Царство Небесное русскому поэту Александру Суворову.

Владимир Макаренков

* * *

Полумонахиня-полублудница,
Где потеряла ты ангельский лик?
Книга открылась зловещей страницей,
Вся ты в шептанье раскольничьих книг.

Кто ты, вся в алом и черном до рези?
В выступлениях света галдит воронье.
Кто ты, блаженная, полная спеси,
Как настоящее имя твое?

Непроницаемы лики святые,
Кто мне ответит, откуда беда:
Воры ворвались – и в храмы пустые
Лег динамит и зажглись провода.

Ныне ты в черном и скорбной походкой
Тихо бредешь чередой панихид,
Завтра – юродивым выдадут водку,
И – трепещи, погребальный гранит.

* * *

Утро на Воробьёвых горах.
Проутюжена гладь реки.
Город где-то в иных мирах,
На берегах других.
Поезд умчится в туннель метро,
И вновь за окном темнота.
Лампочка мне подмигнет хитро,
Как пророку во чреве кита.
Слушай, Ниневия! Слушай, Москва!
Скоро огромный кит
С Белого моря к твоим мостам
Двинется напрямки.
Бывшее канет в безбрежных днях,
Недолго осталось ждать –
Чудо-юдо в ночных огнях
Близится к нам во льдах.
На нем путиловская броня
И лес корабельных антенн,
Студеное море и море огня
Нипочем для его систем.
Хвостом ударит – снесет мосты,
А пустит еще фонтан –
Метеоритный дождь с высоты
Прольется по злачным местам.
И выколи-глаз настанет тьма,
И сын не познает отца...
Мы пишем как будто один роман, –
Роман своего конца.

* * *

Наших встреч ворованные ласки
Навсегда останутся в душе.
Стихли звуки, и огни погасли
Где-то на последнем этаже.

Нам такое изредка дается –
Обмануть постылую судьбу.
Все проходит, счастье – остается,
Пулей в сердце, в цинковом гробу.

Злым оскалом, тусклой вереницей
Не всегда влекутся наши дни.
Завтра может солнце измениться,
Только нам себя не изменить.

Наших встреч ворованные ласки
Навсегда останутся в душе.
Даже если в мире все напрасно –
Есть окно на верхнем этаже.

* * *

Вижу флаги черные на ветру,
Вижу – лебедь белая на снегу,
В заповедном воздухе дышит грусть:
Никогда не свидимся мы в миру.

Пусть на солнце черные письма
Чертят вековечные из-под туч,
Мы в иные свидимся времена,
Поборов иссохшую немоту.

Если нет свидания на земле,
Значит, утро раннее предстоит.
Нарисуй мне зореньку на крыле –
Пусть на белом светится, пусть горит.

* * *

Небо жгут глаза сирот,
Солнце щерит медный рот,
А внизу клубится пыль
На мильон квадратных миль.
Копоятся клерки в банке,
Пузырится «виски» в склянке;
Полис – рыбой оглушенной,
Мусор, ветром распушенный.

Небо жгут глаза сирот,
Небо больше не живет.
Лишь лазоревые кудри
Вьются на фабричном утре.
И листают ветер книжки –
Нет сестренок, нет братишек,
Все слилось в осиный рой.
Гамлет больше не герой,
Пушкин больше не поэт,
Свет есть тьма,
А тьма есть свет.

Небо выпито до дна,
Вся вселенная видна.

* * *

Среди ночи гоняю гордую нирвану –
От двери в угол, из конца в конец.
Не нам, не нам, не русскому Ивану
Бояться обескровленных сердец.

Индусы, говоришь, изгнали страсти напрочь?
Туда им и дорога – в холодец.
У нас нутро горит, моторы пышут, лампы,
И путь нирваны нам заказан наотрез.

Я был там и не раз, рассказывать не стану,
Как возвращался в забытьи домой,
И я, как воду, пил нирвану из-под крана,
А бытие хлещу алмазною струей.

Но всякий раз прильну к земле на полчаса,
Чтоб одолеть коварное бессилье,
А там, кому-нибудь вцепившись в волосы,
Всю ночь рассказывать про матушку-Россию.

* * *

Пеший иль конный, посторонись! –
Красное яблоко катится вниз.
Русские едут, каждый – герой,
Солнце прикрылось Афоном-горой.
Только у русских нет ни шиша,

То-то и едут они неспеша.
С ярмарки людной, с рынка домой
Едем с пустою драной сумой.
Проторговались, вдрызг пропились,
Между собою передрались.
Вот и осталось, пой да горлань,
Да убирайся в свою глухомань.
Нет ни заката и ни рассвета,
Были когда-то, песенка спета...
Землю терзает мор мировой –
Есть ли на свете хоть кто-то живой?

* * *

Поэт должен быть гоним,
Лишь небом одним храним,
Жить впроголодь, водку пить,
Красивых женщин любить
И не унывать, греша,
Похожим быть на ежа –
Так, чтобы ничья рука
Не смела им помыкать.

* * *

Пусть Новый век стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
Пусть море горбится волнами
И небо пенится вдали.

И пусть купальщики, волнуясь,
Гадают, будет ли гроза –
Среди веселья им блеснули
Ужасные судьбы глаза.

Они глядят из поднебесья,
Они ужасно высоки,
Но льется ангельская песня
Сквозь пароходные гудки.

Та песня вольно, сладко веет
Над всем простором до небес,
А горизонт уже чернеет,
И кровоточит древний крест.

* * *

То ли дождь, то ли снег –
В этом мире священного нет.
Я рисую свой дом на песке,
Только прут обезумел в руке.

Вместо дома – безлюдная степь,
Вместо друга – бродячая смерть,
Вместо Бога – кружит воронье,
А под боком все рыщет зверье.

Всё зверье – ни лица, ни души...
Не тужи, добрый друг, не тужи –
Встанет солнце и в нашем окне
И тебе улыбнется и мне.

* * *

Дева убаюкивает зверя
И ему нашептывает нежно –
И сама в свои слова не веря,
Что не все на свете безнадежно.

Дева заговаривает зубы –
И клыки у зверя есть и когти, –
Поначалу он казался грубым,
И в объятиях трещали кости.

А теперь он стал таким желанным
И смиренным, кротким, как ребенок,
Раньше был невежей и болваном,
А теперь – двухмесячный теленок.

И теперь уж зверь ласкает деву,
А у девы обмирает сердце.
И она, со смехом и без гнева,
Любит зверя вовсе не по-детски.

* * *

Наши дни отцвели вдали,
Человек – это сон земли,
Человек – это явь и бред,
Капля света в полярной мгле.

Сиротливая, зябкая тень –
За окном наступивший день.
Серебрится снег на ветвях –
Это зимнего неба прах.

Слезы мерзнут – едва из глаз,
Всё как будто бы в первый раз.
Фонари за окном не спят,
Снегопад нас укрыл до пят.

Новый год. Сумасшедший дом.
Утро серое подо льдом.
Не сорваться бы в полынью,
В ледяную погибель свою.

* * *

Ночь – лихая всадница безумья
Мечется по призрачным краям,
Города в мечтательном раздумье,
Мы одни на свете – ты да я.
Ты да я, да тройка с бубенцами,
Вороних безудержный галоп.
Мы летим, как боги, под венцами
И не бережем своих голов.
«Будете как боги», – нам сказали,
Оттого навеки нам сродни
Херувимы с птичьими глазами
И болотных демонов огни.
Правит ночь конями до рассвета,
А наутро мы очнемся вновь,
Я – бродяга в образе поэта,
Ты – моя отцветшая любовь.

* * *

В тенетах утренней нирваны
Мы просыпались, как младенцы.
Ты говорила: «Слишком рано,
Завесь оконце полотенцем».

Напрасно дворники старались
И посыпали льдинки дустом,
В подъезде двери открывались
И приходили люди в чувство.

Нам снова звезды загорались
И сумерки спустились с неба,
Плыла Венера над горами,
Смеялась ветренная Геба.

А вечер был такой же долгий,
Точь-в-точь как в пепельной Помпее.
Приоткрывался звездный полог –
И ты являлась из купели.

* * *

Грибною тишиной укутан вещей бор.
С молитвой приходя, найдешь в душе утеху.
Уединись в глуши, зажги лесной костер.
И свет рассеет тьму, а треск разбудит эхо.

Скорей, скорей гряди от людных площадей,
В пустынной тишине врачуй больную душу,
Сорокадневный срок останься без людей,
Дай сердцу не глядеть, не биться и не слушать.

ЦВЕТЫ

Жизнь есть цвет, и нашему цветенью
Век отпущен краткий и жестокий.
Мы живем по своему хотенью,
Презирая мудрые уроки.

Оттого нам нравится в растеньях
Их весна любви, цветов цветущих,
Что мы сами небрежем цветеньем,
Что мы прах от вечности летучий.

Дорогие, оттого вас люди
Выбрали в посланники к любимым –
Что другой весны у нас не будет,
Оттого мы и неповторимы.

Оттого вас пьяные торговки,
Как невольниц, продают на рынке –
Что вам ветер целовал головки,
Что вам дождик намочил косынки.

* * *

Визжали скрипки полонеза –
Намазанные ядом струны
Впивались в сердце темной резью
И кровью орошалась юность.

А томных танцев бес послушный
Все лебезил и юбки путал,
Скрипел зубами вечер скучный,
За дверью ветер выл кому-то.

Напрасно барышни, как пчелки,
Вились над праздничным паркетом.
Ведь каблучки устали щелкать,
А принца жданного все нету.

Нет и не будет в жизни встречи,
Все будут жалкие свиданья,
И будут вечно, будут вечно
Страдать кисейные созданья.

Все стихло. Годы не воскреснут,
Но в школьном погрустневшем зале
Осталась музыка чудесно
И юность с Вашими глазами.

* * *

Есть в грозной бархатной тиши
Предгрозовых тревог
Одна опора для души –
Могучий русский Бог.

Он нас всегда считал детьми
До самых смертных мук –
Рожденных русскими людьми,
Гораздых ко всему.

Нас Бог без усталости берег
От всех житейских зол –
И всех Настён, и всех Серёг,
И всех, кто рядом шел.

Нас Бог для Царствия хранил –
Тот спасся, этот – спал...
А тех, кто спился – Михаил
Архангел подобрал.

В миру и в игрище огня,
Среди злодейских лиц –
Храни, Господь, храни меня,
Всех братьев и сестриц.

* * *

Власть зла над русской землей,
Неистребимая веками.
Кровь под запекшимся Кремлем,
Чьи башни кажутся клыками,
Бурлит подземными толчками.

И – свыше ничего вокруг,
И – немые ангелов паренья.
Непостижимый жизни круг
И птичье радостное пенье
Среди небес в садах весенних.

Умытый солнцем до краев
Двор, детворой звенящий за день.
Не оттого ли мы живем, –
Цветы, поверженные наземь, –
Что смех и грех толпятся сзади.

Забвенья поиски. Полет
Над земляничными полями.
А Русь живет себе, живет –
Страна людей с шестью нулями
И жизнь не меряет рублями.

И пусть звериная тропа
Незримо вьется меж домами,
И пусть обманщица-судьба
Хмельком нам годы затуманит –
Туман небесный станет манной.

Русь – ты блаженная мечта
Обидимых и ненавистных,
И до могильного креста
Нам не постичь жестоких истин.

Посмешище для всей земли,
Пылит немытая Россия,
И ей всё видится вдали,
Средь поруганья и бессилья,
Небес таинственный Мессия.

Она стоит, как детский труп,
Восставший из руин бомбежки,
В дыму, на огненном ветру,
В приютской, бросовой одежке,
Убогую, не узнаешь ты.

Избита, проклята, жива,
Оплевана по-чистоплюйски, –
Так пробивается трава
К белесым небесам июльским –
Я с 41-го боюсь их...

В пылу расхристанной ночи,
Истерзана по-изуверски,
Она зовет, она кричит,
А пламя лижет занавески
Под дулом снайперов немецких.

Ну а пожар всегда пожар –
Займется день зарею новой,
Не вернуться, не сбежать
От сумасшествия земного –
Ведь не оно всему основой.

Немыслимо для всей земли
Живет незримая Россия,
И всё ей кажется вдали
Небес таинственный Мессия.

Ехал Грека через реку
Из заморской Византии,
На санях по белу снегу
Прокатился по России.

Видел Севера сиянье,
Слышал эхо на бору
И сказал нам на прощанье:
Живым буду – не помру.

Прошептал: «Прощай, Рассея...
Нараспашку, наизнанку
Я душою стал рассеян,
Не вернусь – прощай, славянка!»

Пыль столбом на полустанке,
Пол-России на перроне –
Грека едет, словно в танке
В «самоход» за самогоном.

Не живетя Греке в Риме,
Не гуляется в Париже:
Что бы там ни говорили,
А в России небо ближе.

Был – и нету человека,
В синем небе тают звоны.
Не приедет больше Грека –
Засмеют его вороны.

ДЕТСКИЕ РАЗГОВОРЫ

– Я жизни хочу отдаться, –
сказал заводной мальчуган, –
Я стану Гамлетом Датским
И брошусь к твоим ногам.
Офелия отвечала:
– Довольно других забав.
Наш мир погребен в печали,
Любовь – не твоя судьба.
– Я пылко хочу влюбиться,
Чтоб вечность вместить в горсти...
– Ты молод еще жениться,
Пожалуйста, подрасти.
Ты станешь седым, известным,
Ворчливым старым брюзгой,
Я буду стервой, но честной,
Наполним дом мелюзгой.
И в каждой кровати детской
Оскалится злобно пасть,
И станут наше наследство
Кромсать, прожигать и красть.
– Нет, лучше уж быть на сцене,
У ангелов на крыле –
Пусть дальше несется время
На проклятом корабле.

* * *

Если нет духовника –
Заведи хоть хомяка.
И живите с ним вдвоем,
Пусть толстеет с каждым днем
И творит себе грехи
Для хомячьей требухи;
Будет сыт и обогрет
Он – хомяк и ты – поэт.

* * *

Чувства боли и трагизма
Двигают поршни нашей жизни.
Только ты не унывай,
Будь поэт, а не трамвай:
Электричество и газ –
Эта пища не для нас.

* * *

Золотистая кожа
И слоновая кость –
Как мы с Вами несхожи,
Как Вам нынче спалось?

Золотистая вечность
На морозном ветру,
Молодая беспечность
И тревожная грусть.

Годы вьются, как вьюга
Средь ночи ледяной.
Мы любили друг друга,
Да теперь все равно...
Никогда Вас не встречу,
Ваших рук не пожму.
Даже юность не вечна –
Почему? Почему?

* * *

Мне не надо ни жаркого меда,
ни хладного ада,
Покатилось кольцо –
потемнело лицо на пиру.
Вот и жизнь пополам,
а другой мне и даром не надо –
Все пройдет, все развеется,
словно туман на ветру.

Минут вешние воды,
останутся вешние строки –
Будто взгляд исподлобья
обиженных деток-сирот,
Чья-то женская доля,
застывшая возле дороги,
Да мужицкие байки,
да праздный нарядный народ.

Благодатью небес
осени нас, Надмирный Владыка,
Коль земной благодати
на свете, увы, не дано, –
Только вешние воды,
да пасхальные светлые лики
И блаженная память,
как чаша по кругу с вином.

* * *

Всё человеку поделом –
Играет музыка печально,
Склонился вечер над столом,
И взгляды прячутся прощально.

Друг друга нам не озарить,
И в солнцепеке роз венчальных
Изнанка будущей зари
Была сокрыта изначально.
И пусть мерцает разговор –
Под ним огонь и рвет и мечет,
И сыплются слова в костер,
Не озаривший нашей встречи.

Коль так созвучен небу птичий гомон,
А родники – июльской синеве,
Сотри с листа красу, отдай ее другому
И – помолчим о молодой листве.

Затянем лучше песнь о громовых раскатах,
О грязи неистоптанных дорог,
О том, что жизнь дана, чтоб умереть когда-то –
И будешь в этой смерти одинок.

И снова – синева. Над миром – птичий гомон
И – крики голосистой детворы.
Жизнь не устанет течь, отдай свой дар другому,
Оставь, как бог – средь солнечной поры.

Мужичок-с-ноготок зацепился за гвоздь
И повис возле самой звезды,
Но хватило ума ухватиться за ось –
И на полюсе двинулись льды.

Потекло все рекой, только ужас какой –
Затопило цементный завод,
И помчалась струя, прямо в вечный покой
Увлекая утопший народ.

Мы искрим, как гранит, в нашем горле хрипит
Вековая, кондовая злость,
Оттого и земля, как солома, горит
До корней золотистых волос.

От полярного льда вся разлилась вода
И возник Мировой океан,
Так земля и осталась вдовой навсегда –
Не вернулся ее Капитан.

От тяжелой воды сердце стиснули льды,
И пошло оно камнем ко дну,
Уберите подальше стакан от беды,
А не то я сейчас утону.

Вы до Судного дня не тревожьте меня
И не брызгайте мертвой водой,
На душе у меня иордань-попынька,
А под шапкой – рассудок седой.

* * *

Не бывает горше горя,
Выпивает капля море
И становится рекою –
Жизнь становится другою.

Жили-были два столба,
И у них была изба.
Раз поссорились столбы
Из-за прелести избы.
Разошлись у них пути –
И решил один расти,
А другой – весной цвести.
Вот несчастная судьба –
Два столба – одна изба.

* * *

Вот погодка – занять да выпить
За веселый приход весны
И за рамки приличий выйти
На просторы родной страны.

Пусть поэзия торжествует
Даже в виде хмельных причуд,
А общественность повествует
О приливе весенних чувств.

Солнце в марте всегда приятно,
А журчание вешних вод,
Как кошачья песня марта –
И доказывай, что не кот!

Жизнь идет через пень-колоду,
И, наверно, так жить нельзя –
Зная брод, не иду по броду,
Такова уж моя стезя.

* * *

Дольше века не длится день,
Ночь нас ждет неизвестно где,
Скажет только один пророк,
Для чего ты себя берег,
Жил да был из последних сил
И свой вес на костях носил.

Дольше века не длится жизнь,
За конец ее не держись:
Очень скользкий у жизни хвост,
Если века закончен рост.
Накопил капитал житья –
Подставляя свою часть жнивья.

Дольше жизни не длится жизнь,
День прошел – вот и спать ложись
И не думай, шальные сны –
Это верный признак весны.
Нам уже не сойти с ума –
Слишком радиус мозга мал.

* * *

Летит, как рой сухой листвы,
Курьерский поезд в ночь,
Он из горячей головы
Весь сон прогонит прочь.

Стучит, как каплями дождя
По мокрому стеклу.
И ты промокнешь, уходя
В предупренную мглу.

Там люди спят или не спят,
И плачет чья-то дочь.
Там знать не знают про тебя
И не спешат помочь.

Стучат колеса, мы одни
Средь сонных голосов.
И лишь бессонный проводник –
Как маятник часов.

Впотьмах лишь тени говорят
И шепчутся огни,
Там фонари в пути горят,
Летят часы и дни.

А поезд мчится напролом
По городам ночным,
И ночь грозит ему крылом,
Как детям озорным.

Так дробно россыпь медажков
Рассыпана во мгле –
Так мы живем в конце веков
На пасмурной земле.

* * *

Как светел мир на грани сна –
Как малое дитя.
Прозрачны сумерки без дна,
Открыты всем путям.

Пусть воду осеняет крест
Над бьющим родником,
Пусть мимолетный лунный лес
Дрожит под сквозняком.

Я к вам когда-нибудь приду
И окна отворю –
Пусть звезды шепчутся в саду,
Предчувствуя зарю.

* * *

Любовную лодку качает волна,
И ластится черною кошкой она.
В глазах затаенно колышется блеск,
Ни берег не виден, ни небо, ни крест.
И ни огонька, а кругом глубина,
Лишь блудною кошкой скребется волна.
Любовная лодка, мы в море вдвоем,
Мы так одиноки на судне своем.
Сидим, отвернувшись, не смотрим в глаза,
Ни вымолвить слово, ни сказку сказать.
И берег не виден, и крепнет волна,
И тяжело вздыхает впотьмах глубина.

* * *

Райская погода, вольница весны –
Вы когда-то тоже были влюблены.
Синеокий ангел звал Вас за собой,
Да растаял в небе шарик голубой.

Не вернуться больше в прежнюю весну,
Не шагнуть с обрыва прямо в глубину:
Нет теперь сноровки ветреной души,
Не звенят подковки, голубь не кружит.

Было все и смолкло где-то вдалеке,
Только сердце бьется птенчиком в руке.

* * *

Люди бьются, как рыба о лед,
Мимо смотрят глазами пустыми,
Аэробус по небу ведет
Злобный дух, вопиющий в пустыне.

Первомай. Православный народ
Правит «Красную Пасху»,
Да и кто их сейчас разберет –
Все свершается наспех.

Собираются люди в полет
На оторванной льдине,
Бабка Сталину честь отдает,
Как скелет – медицине.

Вдоль по Питерской ангел бредет,
Завывая от горя.
А милиция дело сошьет,
А о нравах не спорят.

Навсегда улетучится дым
В облака мирозданья.
Время минет, ты станешь седым
И тогда – «до свиданья!»

Люди бьются, как рыба о лед,
Только ангелов нет и в помине,
И никто здесь уже не живет,
Кроме лиц и фамилий.